

На правах рукописи

ДОНСКОВА ЛЮДМИЛА АЛЕКСАНДРОВНА

**КОММУНИКАТИВНАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ЭМОТИВНОСТЬ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ:
ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

10.02.19 – Теория языка

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Майкоп – 2021

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Адыгейский государственный университет»

Научный руководитель: Ахиджакова Марьет Пшимафовна
доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты: Серебряков Анатолий Алексеевич,
доктор филологических наук, доцент /
ФГАОУ ВО «Северо-кавказский федеральный университет» / кафедра отечественной и мировой литературы / заведующий кафедрой

Клемёнова Елена Николаевна,
доктор филологических наук, профессор /
ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»
/кафедра журналистики/заведующий кафедрой

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (г. Краснодар)

Защита состоится «04» марта 2022 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета по филологическим наукам Д 212.001.09 при ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208, конференц-зал.

С текстом диссертации можно ознакомиться в научной библиотеке им. Д.А. Ашхамафа ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Пионерская, 260, и на сайте университета <http://adygnet.ru/nauka/aspirantura-doktorantura-dissertatsionnye-sovety/dissertation/3979/>

Автореферат разослан «__» _____ 2022 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

Е.А. Богданова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Степень разработанности проблемы. Коммуникативная толерантность как феномен интересует многих ученых в разных сферах современной науки. Толерантное речевое поведение языковой личности в коммуникативной ситуации освещается в исследованиях О.С. Волковой (2008), А.А. Денисовой (2013), З.Ш. Исаевой (2010), Н.Н. Кирилловой (2012), А.А. Полкановой (2010), В.С. Третьяковой (2013) и др. Языковая личность, ее самореализация и самопрезентация в процессе иноязычной речевой деятельности охарактеризована С.Г. Воркачевым (1997), Е.В. Иванцовой (2010), В.И. Карасиком (1996), Ю.Н. Карауловым (2010), В.И. Шаховским (2008) и др., рассматривающими взаимодействие и реализацию языковой личности через коммуникативную толерантность, принятие участников общения на основе уважения, поддержки и нравственных характеристик языковой личности.

Обращает на себя внимание и тот факт, что исследования, посвященные анализу категориальной сущности отдельных языковых явлений и описанию тех или иных коммуникативных категорий, основываются, как правило, не только на выявлении содержательного объема рассматриваемых категорий, но и на их связи с другими смежными категориями, коммуникативно-прагматическими и функционально-семантическими, так как эти категории способны взаимно «накладываться друг на друга и пересекаться друг с другом» [Стернин, 2005: 328]. Представляется в этой связи, что коммуникативная толерантность не может быть адекватно описана вне обращения к эмоциональности и эмотивности художественного текста, которые занимают в нем одно из центральных мест и оказывает особое влияние как на структурирование повествования, так и на реализацию субъективной модальности и авторской оценочности в нем.

Процесс коммуникации обнаруживает диалектическую связь коммуникативной толерантности и эмоционального интеллекта, и в этой связи правомерно выделение эмоциональной толерантности [Шаховский: URL]: эмоции сопровождают осуществление когнитивной деятельности языковой личности, определяя особенности ее реализации. Гуманитарная научная парадигма характеризуется значительными знаниями об эмоциональном мире человека: так, общепринятым является постулат о включенности эмоций в структуру сознания и мышления, об их тесной связи с когнитивными процессами (К.Э. Изард (2000); В.Д. Шадриков (2002)), а лингвистика эмоций в настоящее время становится самостоятельной сферой науки о языке (Л.Г. Бабенко (1989), А.А. Водяха (1993, 2011), Т.А. Графова (1991), О.В. Донина (2016), Н.А. Лукьянова (1986), Л.А. Пиотровская (1994, 2015), В.И. Шаховский (1983, 2006, 2008, 2008а, 2012) и др.).

В нашем диссертационном исследовании акцент делается на изучении коммуникативной толерантности с позиций коммуникативно-прагматического подхода к художественному тексту. Мы остановили свой выбор на художественном тексте романа «Будденброки» (1901) Т. Манна (1875 – 1955) неслучайно: творчество этого всемирно известного писателя,

согласно нашей гипотезе, в качестве одной из центральных раскрывает проблему взаимопонимания людей в разные социокультурные и исторические эпохи, а сам автор являет пример постоянных духовных исканий. Именно за этот роман Т. Манн удостоен в 1929 Нобелевской премии по литературе, однако в самой Германии основная деятельность по освоению, изданию и интерпретации наследия Т. Манна началась лишь в конце 1950-х гг. Одной из заметных работ является монография Г. Курцке «Томас Манн. Эпоха, творчество, влияние» (1985).

Отечественное литературоведение проявляет интерес к творчеству Т. Манна примерно в это же время, при этом необходимо отметить, что первое полное собрание сочинений писателя выходит еще в 1910-м году, в него входит перевод ранних новелл и «Семейство Будденброков. (Падение одной семьи)» в переводе Я. А. Бермана (Манн Т. Полное собрание сочинений. М.: Современные проблемы, 1910). В 1950-е гг. произведения писателя активно переводятся на русский, выходит первая монография о Т. Манне А.В. Русаковой (1969). Переводчик Т. Манна С. Апт публикует биографию писателя (1972), а в год столетия со дня рождения писателя изданы две значительные работы по Т. Манну: книга М.С. Кургинян «Романы Томаса Манна. Формы и метод» (1975) и сборник статей А. В. Русаковой «Томас Манн» (1975). С. Апт в 1980 г. публикует книгу очерков «Над страницами Томаса Манна» (1980). Из работ последних лет особо выделим кандидатскую диссертацию Ю.Н. Лебедевой «Феномен бюргерства и повествовательный метод романов Т. Манна» (2015), представляющую собой доказательное исследование как повествовательных моделей, так и бюргерского габитуса как одного из оснований миропонимания Т. Манна и его героев.

Актуальность исследования. Лингвистика изучает язык не только как форму и способ жизнедеятельности человека, позволяющие вербализовать его опыт и сознание, но и как средство самовыражения личности: он организует межличностную коммуникацию, в которой с позиций деятельностного подхода особое значение приобретает коммуникативный репертуар языковой личности.

Для языковой личности высокий уровень проявления коммуникативной толерантности является важным условием успешной социокультурной адаптации, контактоустанавливающим фактором. С позиций изучения «человека в языке» особую актуальность приобретает не только манифестирование языковой личности в устном дискурсе, но и в письменном зафиксированном тексте как продукте речемыслительной деятельности индивида. Актуальность предпринятого исследования определяется интересом к репрезентации коммуникативной толерантности и эмотивности как фундаментальных категорий.

Объект исследования – коммуникативная толерантность и эмотивность в художественном тексте с позиций синтеза их прагматических маркеров, языковых и речевых средств.

Предмет исследования – функционально-прагматические аспекты реализации коммуникативной толерантности и эмотивности в художественном тексте романа Т. Манна «Будденброки».

Цель исследования – выявить и описать прагматическую специфику и функции коммуникативной толерантности и эмотивности в художественном тексте на материале романа Т. Манна «Будденброки».

В соответствии с поставленной целью исследования были сформулированы следующие **задачи**:

- определить лингвистический статус коммуникативной толерантности и эмотивности в художественном тексте;

- выявить и описать прагматические маркеры коммуникативной толерантности в тексте романа Т. Манна «Будденброки»;

- описать языковые и речевые средства эмотивности в художественном тексте;

- изучить специфику коммуникативно-прагматического потенциала коммуникативной толерантности и эмотивности в тексте романа Т. Манна на основании функций, реализуемых изучаемыми категориями.

Материал исследования составили контексты, выбранные методом сплошной выборки из текста романа Т. Манна «Будденброки (1901), в которых прагматические маркеры коммуникативной толерантности, а также языковые и речевые средства эмотивности представлены наиболее разнообразно и позволяют судить о тех функциях, которые данные категории реализуют в авторской и персонажной зонах повествования (общее количество контекстов – 839).

Методы исследования. Для реализации поставленных задач в работе использовались следующие методы: сплошной выборки, наблюдения и моделирования, индуктивно-дедуктивный метод, метод контекстуального и коммуникативно-прагматического анализа, сравнительно-сопоставительный метод, метод лингвистической и филологической интерпретации. Комплексное использование методов позволяет выявить и описать специфику реализации категорий коммуникативной толерантности и эмотивности в художественном тексте в их функционально-прагматическом аспекте.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют концепции социо- и прагмалингвистики, лингвокультурологии, раскрывающие понятия самооценности языковой личности в перспективе коммуникативной толерантности, положения о диалектическом единстве социального и индивидуального, духовного и нравственного, идеи формирования толерантного сознания.

Общенаучную методологию образуют постулаты когнитивной лингвистики, социо- и прагмалингвистики, а также теории текста и дискурса, теории языковой личности (Н.Ф. Алефиренко (2012), Л.Г. Бабенко (2009), Ш. Балли (1955), М.М. Бахтин (1979), М.Я. Блох (2000), К. Бюлер (1993), И.Р. Гальперин (2007), О.В. Иссерс (2005), Ю.Н. Караулов (2010), Г.В.

Колшанский (1980), Ю.М. Лотман (1981, 2000), В.А. Маслова (2010), Г.Г. Почепцов (2001), G.P. Grice (1975), K.W. Thomas, R.H. Kilmann (1974) и др.).

Частнонаучная методология определена объектом, предметом и задачами диссертации: её основу составляют концептуальные положения о коммуникативной толерантности в парадигме лингвистической науки (О.С. Волкова (2008), М.Я. Дымарский (2004), Т.В. Матвейчева (2016), О.А. Михайлова (2005, 2015), Э. Нигматов (2011), С.В. Русакова (2013), И.А. Стернин и К.М. Шилихина (2000) и др.), в том числе, с позиций лингвокультурологии (А. Вежбицкая (2001), В.И. Карасик (1996, 2002), А.В. Ленец и Н.Г. Терюха (2019), Т.А. Митрофанова (2009), О.А. Михайлова (2005, 2015), С.С. Тахтарова (2008), С.Г. Тер-Минасова (2000), Э.Ю. Улимбашева (2015) и др.); эмотивности как лингвистического компонента эмоциональности в структуре дискурсивно-текстовой деятельности (Л.Г. Бабенко (1989), В.В. Бойко (1996), С.В. Ионова (1998), Г.Н. Ленько (2014), Л.А. Пиотровская (1994), И.В. Ревенко (2016), В.И. Шаховский (1983, 2006, 2008, 2008а, 2012), А. Heller (1979) и др.), а также теории художественного текста (Н.С. Болотнова (2007), А.А. Борисов (2016), В.В. Виноградов (1980), Н.И. Головченко (2010), В.П. Григорьев (1983), М.Л. Макаров (1990), Н.А. Николина (2003), В.И. Тюпа (2009), U. Vonheim (1992) и др.). Важное значение имеют работы по проблематике изучения творчества Т. Манна (С.К. Апт (1972, 1980), М.С. Кургинян (1975), Ю.Н. Лебедева (2015), А.В. Русакова (1969, 1975), Н. Kurzke (1985) и др.).

Недостаточная теоретическая разработанность проблематики коммуникативной толерантности в письменно фиксированном тексте, а также ее тесная связь и синкретичный характер взаимодействия с эмотивностью в художественном тексте позволяет выдвинуть **гипотезу исследования**, на основании которой коммуникативно-прагматический потенциал коммуникативной толерантности и эмотивности в художественном тексте может быть адекватно исследован и непротиворечиво описан с позиций понимания единства этих двух фундаментальных текстовых и дискурсивных категорий.

Научная новизна исследования заключается в уточнении понятия коммуникативной толерантности, определении ее видов и уровней, выявлении критериев коммуникативной толерантности языковой личности, включающих эмпатию, эмоциональную устойчивость, самопредъявление в общении, избегание конфликтных ситуаций. Впервые раскрыта реализованная на основании эмоционального компонента в структуре коммуникативной толерантности ее диалектическая связь с эмотивностью в художественном тексте, которая реализована на разных его уровнях как в авторской, так и в персонажной зонах повествования. Эмотивность изучается в диссертации как функционально-семантическая категория, реализуемая в текстово-дискурсивной деятельности языковой личности на уровне эмоционально-смысловых доминант, эмотивных тем, субъективных смыслов, которые представляют собой текстовые элементы.

Теоретическая значимость исследования. Работа вносит определенный вклад в развитие теории языка и лингвокультурологии, в разработку лингвистической теории коммуникативной толерантности, теории текста и художественного текста, в частности. Основное направление в исследовательской концепции диссертации – изучение коммуникативной толерантности и эмотивности как синтеза эстетически значимых смыслов художественного текста – позволяет рассматривать функции этих категорий в художественном тексте как реализацию их коммуникативно-прагматического потенциала.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в возможности использования его результатов в курсах по теории языка, общему и сравнительному языкознанию, социо- и прагмалингвистике, психолингвистике, лингвокультурологии. Выводы диссертации могут быть применены в спецкурсах по стилистике немецкого языка, анализу и интерпретации художественного текста, теории перевода, в проектной деятельности в части написания курсовых, выпускных квалификационных работ, магистерских и кандидатских диссертаций по смежной проблематике.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Лингвистический статус коммуникативной толерантности и эмотивности в художественном тексте определяется диалектической связью этих категорий в процессе развертывания повествования: толерантное / интолерантное взаимодействие персонажей, индивидуально-авторские особенности реализации эмотивности на различных уровнях художественного текста обеспечивают сложное взаимодействие авторской и персонажной зон повествования.

2. Прагматические маркеры коммуникативной толерантности манифестированы в романе Т. Манна «Будденброки» в координатах диалогических единств, на уровне собственно повествования и авторских оценок: таковы оценка действий поступков, эмоций персонажей в авторской зоне повествования, особое интонационное оформление реплик героев, а также лексемы и лексические сочетания с позитивной семантикой, в том числе, и включенные в этикетные формулы в процессе их общения.

3. Языковые и речевые средства эмотивности в текстовом пространстве романа Т. Манна «Будденброки» включают: эмотивы с положительной оценкой в речи персонажей с целью характеристики их эмоционального мира, воссоздания особенностей их личности, манифестирования их взаимоотношений с другими героями; эмотивы с отрицательной оценкой, которые в целом свидетельствуют об искренности и уверенности в себе представителей семьи Будденброков; описания невербальных проявлений эмоций персонажей, которые связаны не только с авторской, но и с персонажной зоной повествования; субъективная модальность в текстовом пространстве, реализованная посредством вводных слов и сочетаний, вставных конструкций, частиц, актуализирующих

сослагательное наклонение в контекстах; лексические маркеры авторской оценочности.

4. Функции коммуникативной толерантности и эмотивности обеспечивают в романе Т. Манна реализацию коммуникативно-прагматического потенциала этих категорий; доминантными функциями выступают оценка на основании толерантного / интолерантного отношения персонажей друг к другу; авторская оценочность и проявление такой оценки в отношении характеров персонажей, их действий и мыслей по поводу персонажных особенностей; реализация метода психологизма, позволяющего воплотить эволюцию характеров персонажей; воссоздание социокультурного контекста бюргерства в текстовом пространстве романа.

Апробация работы. Результаты диссертационного исследования докладывались на заседаниях кафедры общего языкознания Адыгейского государственного университета и кафедры иностранных языков Кубанского государственного аграрного университета на Международной научно-практической конференции (Краснодар, 2018), Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Чебоксары, 2021), Всероссийской (национальной) научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 2021).

По результатам исследования опубликовано 9 статей, в том числе 3 статьи в журналах, рекомендованных ВАК РФ.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, сопровождаемых выводами, заключения, библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** определяется степень разработанности темы исследования, охарактеризован ее выбор, обоснована актуальность исследования, определены его объект и предмет, формулируются цель и задачи исследования, его методологические основы, изложены основные положения, выносимые на защиту, описана научная новизна исследования, представлены теоретическая значимость и практическая ценность данной работы, ее апробация.

Глава первая **«Теоретико-методологические основы исследования коммуникативной толерантности и эмотивности в лингвистической научной парадигме»** посвящена анализу направлений исследования художественного текста, а также рассмотрению основных подходов к изучению коммуникативной толерантности и эмотивности с позиций лингвистики.

Антропоцентрическая научная парадигма оказывает особое влияние на изучение художественного текста: с этих позиций коммуникативно-прагматический анализ художественного текста определяет исследовательский интерес к объему его содержательной информации. Поэтому особую роль приобретает установление основной темы и микротем

фрагмента, кратко характеризуются время и место событий текста, круг персонажей. Выявление и описание авторских интенций, определение отношения автора к событиям, которые изображены в тексте, возможно благодаря применению коммуникативно-прагматического подхода. Текст изучается и как совокупность способов кодирования национальных стереотипов. Интерес к аспектам лингвокультурологии связан с осознанием наличия культурных барьеров даже при условии соблюдения всех языковых норм: такие барьеры могут быть связаны как с различиями в нормах речевого поведения, так и с различными значениями, которые коммуниканты приписывают одним и тем же лексическим единицам.

Коммуникативный репертуар языковой личности автора и его героев обуславливается как отдельными коммуникативными тактиками, свойственными конкретной лингвокультуре, так и общей коммуникативной стратегией конкретного речевого акта в тексте, являющейся его целевой интенцией. На основании применения коммуникативно-прагматического анализа в художественных текстах конкретного автора могут быть определены и описаны коммуникативные маркеры, которые репрезентируют толерантное / интолерантное общение персонажей, фиксируемое на всех уровнях текста, а также установление индивидуально-авторской специфики вербализации различными языковыми и речевыми средствами коммуникативной толерантности / интолерантности. Теоретико-методологические основы изучения коммуникативной толерантности в парадигме лингвистической науки рассматриваются с позиции философских, социолингвистических, прагмалингвистических, лингвокультурологических, психолингвистических универсалий.

Социолингвистический подход рассматривает коммуникативную толерантность в условиях гармонизации социальных взаимоотношений, взаимоуважения, терпимости, взаимного доверия и понимания. Социальная природа коммуникативной толерантности языковой личности связана с социальными обстоятельствами, умением принимать жизненные ситуации. С психолингвистической точки зрения коммуникативная толерантность рассматривается в координатах коммуникативного поведения языковой личности и ее психических состояний в процессе коммуникативного взаимодействия. Лингвокультурологический подход к исследованию коммуникативной толерантности связывает речевые и языковые средства с особенностями культуры, менталитета, традиций и обычаев. Психолингвистический подход позволяет изучить проявление коммуникативной толерантности в речевом поведении. Совокупность речевых событий и ситуаций в языковой картине мира и мировоззрении языковой личности связывает коммуникативную толерантность с языковыми нормами, стандартами, речевым этикетом в реализации речевого поведения.

Проявление коммуникативной толерантности в речевом общении зависит от индивидуальных характеристик языковой личности, обусловленных жизненным опытом, свойством характера, нравственными принципами, возрастными и половыми особенностями. Коммуникативная

толерантность как социолингвистическая категория обусловлена эмоциональной, интеллектуальной и мотивационной сферой внутренней активности языковой личности. Эмоциональная компетентность, эмпатия, способность к разрешению конфликтов, самоконтроль и самоопределение – важные составляющие коммуникативной толерантности языковой личности.

Мы предприняли попытку формулирования рабочего определения в контексте исследования: *коммуникативная толерантность - это способность языковой личности к терпимости, пониманию и принятию точки зрения коммуниканта в межличностном конструктивном диалоговом общении, которое основано на достижении взаимопонимания, с учетом национально-культурных, традиционных и ситуативных особенностей коммуникативного поведения, при использовании языковых и речевых средств толерантной коммуникации.*

Эмотивность трактуется нами как функционально-семантическая категория, которая реализуется в дискурсивной деятельности языковой личности, это лингвистический компонент эмоциональности: эмоциональность вербализуется посредством эмотивов. Эмотивность рассматривается с позиций современной лингвистики не на основе анализа отдельных эмотивных единиц, а посредством выявления эмоционально-смысловых доминант, эмотивных тем, субъективных смыслов, которые представляют собой текстовые элементы. Основным источником эмотивности текста – эмотивные языковые средства, а само разнообразие способов описания эмотивных ситуаций может быть непротиворечиво исследовано в границах от свернутых (слово) до развернутых (словосочетание, предложение, текст) структур. Особый интерес для современной лингвистики представляет взаимодействие внешнего и внутреннего в эмоциях человека, синтеза и расподобления «внешнего» и «внутреннего» пространств художественного текста, способов и механизмов репрезентации эмоций в художественном тексте.

В главе второй **«Прагматика коммуникативной толерантности и эмотивности в художественном тексте»** рассматриваются прагматические маркеры коммуникативной толерантности в тексте романа Т. Манна «Будденброки», изучены языковые и речевые средства реализации эмотивности в художественном тексте, охарактеризован коммуникативно-прагматический потенциал коммуникативной толерантности и эмотивности в романе Т. Манна.

Очевидно, в изучении механизмов толерантности обладает обширным эвристическим потенциалом для построения перспективных научных концепций такая социальная среда, в которой коммуникативная толерантность является одной из базисных категорий, организующих общественное и личностное существование. Именно таким социальным пространством стоит считать среду бюргерства, представителем которой является и сам Т. Манн как сын сенатора из ганзейского города Любека, в конце XIX в. управляемого крупным купечеством.

Невозможно однозначно и исчерпывающе определить понятие бюргерства так же, как и те обычаи и нормы, которые свойственны этой гетерогенной социальной группе. В соответствии с сословной дифференциацией общества, сложившейся в Средние века, бюргер – привилегированный городской житель с особыми правами, которых лишено остальное городское население: например, у бюргера есть возможность участия в политической жизни города, поэтому сословие бюргеров давало значительное количество экономически и политически влиятельных людей, составлявших среду «бюргерского патрициата». Безусловно, весьма полезным для нашего исследования считаем и дифференциацию бюргерства на основании критерия наличия образования: примечательно, что образование без изначальной экономической независимости считается вполне достаточным основанием для экономической деятельности, поэтому бюргерство зачастую дифференцируют на «экономически активное» (Wirtschaftsbürgertum) и «образованное» (Bildungsbürgertum). Так называемое «образованное бюргерство» включает учителей, университетских преподавателей, государственных служащих, а также людей искусства. Разумеется, и сам Т. Манн, и основной круг его читателей принадлежат к «образованному бюргерству».

Как толерантное оценивается речевое поведение языковой личности, предполагающее осознание хотя бы одним из коммуникантов затруднений своего собеседника в общении, которое, в свою очередь обуславливает определенные действия для нейтрализации таких затруднений и их устранения. При этом возможен, в том числе, и неэффективный диалог. Поэтому отсутствие конфликта или разногласий между коммуникантами вовсе не свидетельствует об их абсолютном взаимопонимании: напротив, это может говорить о безразличии участников коммуникации к аксиологическим системам друг друга, и в этом случае категория коммуникативной толерантности не организует такое общение.

Анализ языкового материала позволил прийти к выводу о том, что в романе Т. Манна «Будденброки» коммуникативно-прагматическая категория коммуникативной толерантности представляет собой фундамент взаимодействия персонажей именно с целью снятия конфликтности вне выяснения каких-либо мировоззренческих позиций личности.

Маркеры коммуникативной толерантности характеризуются разноуровневой текстовой принадлежностью не только в рамках диалогических единств, но и на уровне повествования и авторских оценок. Особо нами были выделены такие макроконтексты, в которых маркеры коммуникативной толерантности, свойственные персонажной зоне и реализуемые в диалогах героев, тесно взаимодействуют с авторской зоной повествования, содержащей оценку действий, поступков и эмоций персонажей, например: «– Wann ist das Haus noch gebaut worden? – fragte Herr Hoffstede schräg über den Tisch hinüber den alten Buddenbrook, der sich in jovialem und etwas spöttischem Tone mit Madame Köppen unterhielt.

– Anno ... warte mal ... Um 1680, wenn ich nicht irre. Mein Sohn weiß übrigens besser mit solchen Daten Bescheid ...

– Zweiundachtzig, – bestätigte, sich vorbeugend, der Konsul, der weiter unten, ohne eine Tischdame, neben Senator Langhals seinen Platz hatte. – 1682, im Winter, ist es fertig geworden. Mit Ratenkamp & Komp. fing es damals an, aufs glänzendste bergauf zu gehen... Traurig, dieses Sinken der Firma in den letzten zwanzig Jahren...

Ein allgemeiner Stillstand des Gespräches trat ein und dauerte eine halbe Minute. *Man blickte in seinen Teller und gedachte dieser ehemals so glänzenden Familie, die das Haus erbaut und bewohnt hatte und die verarmt, heruntergekommen, davongezogen war...*» [Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«– Когда, собственно, был построен этот дом? – обратился через стол г-н Гофштеде к старому Будденброку, который веселым и слегка насмешливым голосом переговаривался с мадам Кеппен.

– Anno...1 погоди-ка... anno... тысяча шестьсот восьмидесятом, если не ошибаюсь. Впрочем, мой сын лучше меня это знает...

– В восемьдесят втором, – подымая глаза от тарелки, уточнил консул, сидевший несколько ниже; он остался без дамы, и его соседом был сенатор Лангхальс. – *Постройку закончили зимой восемьдесят второго года. «Ратенкамп и компания» тогда быстро шли в гору... Тяжело думать об упадке, в котором вот уже двадцать лет находится эта фирма...*

Разговор замолк, и с полминуты за столом царил тишина. *Все уставились в тарелки, думая о семействе, некогда столь славном. Ратенкампы выстроили этот дом и жили в нем, а позднее, обеднев и опустившись, должны были его покинуть...*» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. В диалоге отражена информация о прежних хозяевах нынешнего дома Будденброков и о том упадке, в котором внезапно оказались Ратенкампы, уважаемое ранее семейство бюргеров: *Постройку закончили зимой восемьдесят второго года. «Ратенкамп и компания» тогда быстро шли в гору... Тяжело думать об упадке, в котором вот уже двадцать лет находится эта фирма. Участники застолья, помня о правилах этикета и стараясь не судить никого, тем более без присутствия тех, о ком зашел разговор, хранят молчание (с полминуты царил тишина, Все уставились в тарелки, думая о семействе, некогда столь славном), зная, что жизнь непредсказуема, и каждый может оказаться в трудной ситуации (Ратенкампы выстроили этот дом и жили в нем, а позднее, обеднев и опустившись, должны были его покинуть).*

Диалог в координатах типовой коммуникативной ситуации является коммуникативно толерантным, если он способствует так называемой «внешней» эффективности и бесконфликтности диалогового общения, а собеседники обоюдно избегают конфликтных ситуаций, чтобы не «наносить

¹ в году... (лат.)

ущерба другому». Именно такие диалоги свойственны тексту романа «Будденброки»: одной из диалогических целей становится демонстрация уважительного отношения младшего поколения к старшему, понимание своего места и твердое наследование устоявшихся норм и правил, например: «Na, min Sohn Johann! wo gehst du hin? – Er blieb stehen und streckte dem Sohne die Hand entgegen, die weiße, ein wenig zu kurze, aber feingegliederte Hand der Buddenbrooks. Seine rüstige Gestalt, an der nur die gepuderte Perücke und das Spitzen-Jabot weiß aufleuchteten, hob sich matt und unruhig beleuchtet von dem Dunkelrot der Fenstervorhänge ab.

– Noch nicht müde? Ich gehe hier und horche auf den Wind ... verflixtes Wetter! Kapitän Kloht ist von Riga unterwegs ...

– O Vater, mit Gottes Hilfe wird alles gut gehen!

– Kann ich mich darauf verlassen? Zugegeben, daß du mit dem Herrgott auf du und du stehst ...

Dem Konsul ward wohler zumute angesichts dieser guten Laune.

– Ja, um zur Sache zu kommen, – fing er an, – so wollte ich Ihnen nicht nur gute Nacht sagen, Papa, sondern ... aber Sie dürfen nicht böse werden, wie? Ich habe Sie mit diesem Briewe – er ist heute Nachmittag gekommen – bis jetzt nicht ennuyieren wollen ... an diesem heiteren Abend ...» [Манн: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«– Ну, сын мой Иоганн, как себя чувствуешь? – Старик остановился и протянул консулу руку, белую, коротковатую и все же изящную руку Будденброков. Его моложавая фигура отделилась от темно-красного фона занавесей, в тусклом и беспокойном свете догорающих свечей блеснули только пудренный парик и кружевное жабо. – Не очень устал? Я вот хожу здесь да слушаю ветер... Дрянная погода! А капитан Клоот уже вышел из Риги...

– С божьей помощью все обойдется, отец!

– А могу ли я положиться на божью помощь! Правда, вы с господом богом приятели...

У консула отлегло от сердца, когда он увидел, что отец в наилучшем расположении духа.

– Я, откровенно говоря, собирался не только пожелать вам доброй ночи, папа... – начал он. – Но уговор, не сердитесь на меня. Вот письмо, оно пришло еще сегодня утром, да я не хотел расстраивать вас в такой радостный день...» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. Необходимо подчеркнуть, что маркеры коммуникативной толерантности присутствуют здесь не только в диалоге Иоганна-старшего и его сына, консула Иоганна Будденброка-младшего, но и в авторской зоне повествования: *У консула отлегло от сердца, когда он увидел, что отец в наилучшем расположении духа.*

На лексическом уровне коммуникативная толерантность реализуется при опоре на номинации предмета в аспекте толерантности / интолерантности высказывания. Т. Манн имплицитно акцентирует внимание читателя как на эффективности коммуникативной толерантности, так и на

том, что открытое выражение собственных убеждений способно вызвать симпатию оппонента. Разумеется, интолерантность также свойственна отношениям персонажей в романе Т. Манна, ведь без конфликтов сложно представить жизнь человека, всегда будет существовать несоответствие взглядов, мировоззренческих позиций, условий воспитания и уровня культуры, наконец. Весьма показателен следующий пример: «Solche Äußerungen hatte Tony oft genug angehört, um gar nicht zum besten gegen Julchen Hagenström gestimmt zu sein. Sie gingen gemeinsam, weil sie einmal Nachbarinnen waren, aber meistens ärgerten sie einander.

– Mein Vater hat tausend Taler! – sagte Julchen und glaubte entsetzlich zu lügen. – Deiner vielleicht?

Tony *schwieg vor Neid und Demütigung. Dann sagte sie ganz ruhig und beiläufig:*

– Meine Schokolade eben hat furchtbar gut geschmeckt ... Was trinkst du eigentlich zum Frühstück, Julchen?

– Ja, ehe ich es vergesse, – antwortete Julchen, – möchtest du gern einen von meinen Äpfeln haben? – *Ja päh! Ich gebe dir aber keinen!* Und dabei kniff sie ihre Lippen zusammen, und ihre schwarzen Augen wurden feucht vor Vergnügen» [Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«Тони достаточно часто слышала такие разговоры <об удачливости и богатстве Хинриха Хагенштрема>, чтобы не питать к Юльхен Хагенштрем особенно нежных чувств. Они ходили в школу вместе, потому что им было по пути, но при этом всячески старались досадить друг другу.

– У моего папы тысяча талеров, – говорила Юльхен, воображая, что беспардонно лжет. – А у твоего?

Тони *отмалчивалась, изнемогая от зависти и унижения. А потом замечала спокойно и как бы мимоходом:*

– Ах, до чего вкусный был сегодня шоколад.... А что ты пьешь за завтраком, Юльхен?

– Да, пока я не забыла, – отвечала Юльхен, – скушай-ка яблочко, у меня много с собой. *Много-то много, а тебе не дам ни одного,* – заключала она, поджимая губы, и ее черные глаза становились влажными от удовольствия» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. Именно уровень общей культуры и коммуникативная толерантность, являющаяся следствием достойного воспитания, не позволяют Антонии откровенно дерзить своей спутнице, о чем свидетельствует следующее авторское замечание – *отмалчивалась, изнемогая от зависти и унижения*. Она, являясь представительницей более родовитого бюргерского семейства, нежели Хагенштремы, разбогатевшие недавно и во многом случайно, избирает более тонкую тактику (*замечала спокойно и как бы мимоходом*), однако на новоявленных нуворишей эта тонкость, к сожалению, не действует, а оттенков оценки такие, как Юльхен, не ощущают (*Много-то много, а тебе не дам ни одного*).

Интонация собеседников также является одним из важных прагматических компонентов коммуникации, которые отражают уровень

коммуникативной толерантности. Для диалогической речи свойственна тесная взаимосвязь оценки коммуникативной ситуации участниками общения: адресат, на которого направлена реплика адресанта, определенным образом интерпретирует и оценивает не только сами реплики, их семантику, но и их интонацию. С целью передачи интонации и корректного ее декодирования читателем Т. Манн обращается к лексическим маркерам, указывающим на тот тон, которым произнесено то или иное высказывание персонажа, например: «– Ich finde ihn albern, – *erlaubte sich Tony zu bemerken und zwar mit Nachdruck.*

<...> –Ja, er macht sich allzu wichtig! – fing Tony wieder an. – Er sprach beständig von sich selbst! Sein Geschäft ist rege, er liebt die Natur, er bevorzugt die und die Namen, er heißt Bendix ... Was geht uns das an, möchte ich wissen ... Er sagt alles nur, um sich herauszustreichen! – *rief sie plötzlich ganz wütend.* – Er sagte dir, Mama, und dir, Papa, nur, was ihr gern hört, um sich bei euch einzuschmeicheln!» [Манн: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«<...>, по-моему, он кривляка, – *налегая на последнее слово, позволила себе заметить* Тони. <...> – Да, он ужасно кривляется, – снова начала Тони. – И все время говорит о себе! Его «дело живое», он любит природу, он предпочитает какие-то там имена, его зовут Бендикс... Нам-то какое до этого дело, скажите на милость! Что ни слово, то похвальба! – *под конец даже злобно выкрикнула* она. – Он говорил тебе, мама, и тебе, папа, только то, что вы любите слышать, чтобы втереться к вам в доверие!» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. В приведенном примере выделены курсивом лексемы и лексические сочетания, позволяющие читателю ясно представить себе интонацию, с которой говорит героиня.

Для передачи интонации и корректного ее декодирования читателем автор прибегает не только к лексическим маркерам, указывающим на тот тон, которым произнесено то или иное высказывание персонажа, но и использует графические средства – многоточия для обозначения пауз, восклицательный и вопросительный знаки, например: «– Na, die Herrschaften entschuldigen, – sagte er <der Lotsenkommandeur Schwarzkopf>. – Ich habe nun noch drüben im Lotsenhouse zu tun Wir essen um achte, wenn's gefällig ist Oder heut' mal ein bisschen später, Meta, wie? Und du, – hier nannte er wieder den Vornamen, – nun sitz hier nur nicht herum ... Nun geh nur hinaus und gib dich wieder mit deinen Knochen ab ... Mamsell Buddenbrook wird wohl auspacken ... Oder wenn die Herrschaften an den Strand gehen wollen Störe nur nicht!

– Diederich, mein Gott, warum soll er nicht noch sitzen bleiben, sagte Frau Schwarzkopf sanft und vorwurfsvoll. – Und wenn die Herrschaften an den Strand gehen wollen, warum soll er nicht mitgehen? Er hat doch Ferien, Diederich! Und soll er denn gar nichts von unserem Besuche haben?» [Манн: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«– Прошу прощения, – сказал он <лоцман Шварцкопф>. – Мне надо еще побывать в лоцманском доме... Ужинаем мы, с вашего позволения, в восемь часов. – Или сегодня позднее, Мета? А ты, – он снова буркнул какое-то имя,

– слишком долго не расслаивайся... Пойди да займись своими скелетами... Мадемуазель Будденброк, верно, надобно разобрать вещи... Или, может, наши гости хотят прогуляться к морю? Так ты их не задерживай.

– Помилуй, Дидрих! Да почему же ему и не посидеть здесь? – с ласковым упреком воскликнула г-жа Шварцкопф. – А если молодые люди вздумают прогуляться к морю, так почему ему не пойти с ними? У него ведь каникулы, Дидрих. Неужто же мальчику и гостям-то порадоваться нельзя?..» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. В приведенном примере органично сочетаются графические и лексические средства, транслирующие интонационное оформление высказываний персонажей.

Проанализированный с позиций коммуникативно-прагматического подхода языковой материал позволяет говорить о многообразии способов реализации коммуникативной толерантности в случае, если коммуниканты испытывают друг другу симпатию или, по крайней мере, не антипатичны друг другу. Если же коммуникативная ситуация свидетельствует о явном нежелании продолжения общения, несогласии по каким-либо важным мировоззренческим проблемам и т.п., то коммуникативная толерантность затруднительна для персонажей романа, и в этом случае они прибегают к устойчивым этикетным формулам и обращениям.

Нами также выявлено, что в тексте романа представлены контексты, в которых ориентированность участников общения на принципы коммуникативной толерантности и на соответствующее речевое поведение, с одной стороны, способствуют бесконфликтному диалогу, но, с другой, это не позволяет собеседнику в полной мере реализовать коммуникативное намерение, выразить собственную, часто отрицательную, оценку происходящего либо самого высказывания, которое к нему обращено. Поэтому можно говорить о том, что коммуникативная толерантность способна нанести ощутимый вред в плане самой возможности адекватной оценки искренности того или иного коммуниканта. Именно таков эпизод, в котором читатель впервые знакомится с будущим зятем Будденброков – господином Грюнлихом: *«Ich störe, ich trete in einen Familienkreis, – sprach er mit weicher Stimme und feiner Zurückhaltung. – Man hat gute Bücher zur Hand genommen, man plaudert ... Ich muß um Verzeihung bitten!*

– Sie sind willkommen, mein werter Herr Grünlich! – sagte der Konsul, der sich, wie seine beiden Söhne, erhoben hatte und dem Gaste die Hand drückte. – Ich freue mich, Sie auch außerhalb des Kontors und im Kreise meiner Familie begrüßen zu können. Herr Grünlich, Bethsy, mein wackerer Geschäftsfreund ... Meine Tochter Antonie ... Meine Nichte Klothilde ... Sie kennen Thomas bereits ... Das ist mein zweiter Sohn, Christian, ein Gymnasiast.

Herr Grünlich hatte wiederum auf jeden Namen *mit einer Verbeugung* geantwortet.

– *Wie gesagt*, – fuhr er fort, – *ich habe nicht die Absicht, den Eindringling zu spielen* ... Ich komme in Geschäften, und wenn ich den Herrn Konsul ersuchen

dürfte, einen Gang mit mir durch den Garten zu tun ...» [Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«– Я помешал, я вторгся в недра семьи, – произнес он бархатным голосом. – Здесь все заняты чтением интересных книг, беседой... Прошу прощения!

– Добро пожаловать, уважаемый господин Грюнлих! – отвечал консул. Он поднялся с места, как и оба его сына, и теперь пожимал руку гостю. – Рад случаю приветствовать вас у себя вне стен конторы. Бетси, господин Грюнлих, наш давнишний клиент... Моя дочь Антония... Клотильда, моя племянница... С Томасом вы уже знакомы... а это мой младший сын. Христиан, гимназист...

После каждого имени г-н Грюнлих *отвешивал поклон*.

– *Смею вас уверить*, – продолжал он, – *что я не хотел нарушить ваш покой*. Я пришел по делу, и, если мне позволено будет просить господина консула прогуляться по саду...» [Mann: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. Толерантность и учтивость Грюнлиха граничит с угодливостью и подобострастием, которые, разумеется, диктуют читателю соответствующее отношение к этому персонажу. Выделенные курсивом прагматические маркеры коммуникативной толерантности позволяют утверждать, что Грюнлих реализует принципы вежливости, знаком с этикетными нормами невербального поведения, что, несомненно, усиливает доверие к нему всего семейства Будденброков.

В романе Т. Манна «Будденброки» представлены разнообразные контексты, позволяющие судить о богатстве эмоциональных проявлений как персонажей, так и самого автора. Эмотивы с положительной оценкой в речи персонажей употребляются с целью характеристики их эмоционального мира, выстраивания их характеров и демонстрации их взаимоотношений с другими героями, например: «– Sie sind sehr *gut*, Papa, – sagte die Konsulin <Elisabeth Buddenbrook>. – Tony wird sich bemühen, eine *kluge und tüchtige* Frau zu werden ...» [Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«– Вы очень *добры* к ней, папа, – сказала консульша <Элизабет Будденброк>. – Ну, Тони постарается стать *умной и трудолюбивой*...» [Mann: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. Обращает на себя внимание как этикетная формула в речи супруги Иоганна Будденброка-младшего Вы очень добры, так и искренность, которая характеризует эту формулу: действительно, Иоганн-старший души не чает в своей внучке Тони и не только добр к ней, но и всячески поощряет девочку и балует ее. Во второй части примера представлены также эмотивы с положительной оценкой умной и трудолюбивой – это именно те идеалы, на которые бюргерство опирается в выстраивании своей жизни и роли в обществе.

Употребление эмотивов с отрицательной оценкой вовсе не свидетельствует о негативном отношении представителей семьи

Будденброков к окружающим: напротив, такие эмотивы раскрывают основную черту лучших представителей этого семейства – искренность, часто несовместимую с коммуникативной толерантностью. Искренность семейства Будденброков обусловлена, в числе прочего, и тем, что благополучие семьи стабильно и обеспечено достаточными материальными ресурсами, и эта материальная стабильность позволяет Будденброкам быть уверенными в своих оценках обстоятельств и людей, а также открыто высказывать собственное мнение. Нами также установлено, что эмотивы с отрицательной оценкой, употребляемые персонажами, в романе зачастую сопровождаются авторской речью. Например, Иоганн Будденброк-младший, также склонен держаться принципов вежливости и коммуникативной толерантности, поэтому даже в случаях, когда эмотивы с отрицательной оценкой присутствуют в его речи, многое остается имплицитным: читатель может лишь догадываться, исходя из косвенных указаний автора, о мыслях и чувствах персонажа: «– Herr, *ich verachte Ihre Worte, – brachte er mit geringer Sicherheit hervor. – Ich verachte Ihre wahnsinnigen Verleumdungen um so mehr, als sie auch mich treffen ... mich, der ich meine Tochter nicht leichtfertigerweise ins Unglück gebracht habe. Ich habe sichere Erkundigungen über meinen Schwiegersohn eingezogen ... das übrige war Gottes Wille!*» [Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«–Сударь! *Я презираю ваши слова, – не совсем уверенно проговорил он. – Я презираю вашу злобную клевету,* тем более что она задевает и меня, который отнюдь *не по легкомыслию вверг свою дочь в несчастье.* Сведения о моем зяте я получил из достоверных источников... На остальное была воля божия!» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. Обращает на себя внимание, что он не говорит *Я презираю Вас:* напротив, он говорит *Я презираю ваши слова, Я презираю вашу злобную клевету,* реагируя не на человека, а на ситуацию. Отметим также, что авторская оценка эмоционального состояния героя красноречиво свидетельствует о такте и высоком уровне культуры Иоганна Будденброка (не совсем уверенно проговорил он), а некоторая неуверенность, герой отвечает Кессельмейеру, имеет своей причиной, скорее всего, общую подавленность и низкий уровень культуры собеседника, с которым консул сталкивается абсолютно неожиданно. Важно и то, что консул Будденброк считает себя виноватым в несчастливом браке дочери, о чем говорит совершенно открыто, признавая и то, что желал ей только счастья и вовсе не легкомысленно подошел к вопросу выбора ей супруга: отнюдь не по легкомыслию вверг свою дочь в несчастье.

Текстовое пространство романа Т. Манна включает также описания невербальных проявлений эмоций персонажей. По всей видимости, вербализацию таких чувств, не выраженных с помощью языковых и речевых средств, нельзя напрямую связывать лишь с авторской зоной повествования: зачастую они представляют собой как бы взгляд героя на самого себя «со стороны». Наиболее показательными в плане репрезентации такой скрытой эмотивности, не явленной в речи персонажей, но являющейся следствием глубоких переживаний, следует считать те фрагменты текста романа, в

которых автор представляет своего рода психологическую кульминацию развития образа героя. Например, в следующем фрагменте: «Der Konsul stand *totenblaß* an der Tür, den Griff in der Hand. *Das Grauen rann ihm den Rücken hinunter*. Befand er sich in dieser kleinen, unruhig beleuchteten Stube allein mit einem Gauner und einem vor Bosheit tollen Affen?» [Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«Консул, *смертельно бледный*, стоял, схватившись за ручку двери. *Мороз подирал его по коже*. Представить себе, что в этой маленькой, освещенной тревожным светом комнате он один лицом к лицу с мошенником и с взбесившейся от злобы обезьяной!» [Mann: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html] особо следует отметить как внешние проявления эмоций (*смертельно бледный*), так и ощущаемые самим героем (*мороз подирал его по коже*). Высказывание *Представить себе, что в этой маленькой, освещенной тревожным светом комнате он один лицом к лицу с мошенником и с взбесившейся от злобы обезьяной!* подтверждает наше предположение, что имплицитно выраженную эмотивность следует отнести в данном случае к персонажной зоне повествования, т.к. данное высказывание принадлежит внутренней речи самого Томаса.

Также одним из значимых в плане реализации эмотивности способов в художественном тексте является краткая портретная характеристика, например: «Er <Johann Buddenbrook> betrachtete sie <Tony> *mit emporgezogenen Brauen*, mit seinen kleinen, tiefliegenden Augen, die *traurig und müde* aussahen und dennoch *eine ganz außerordentliche Spannung* verrieten» [Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«Консул <Иоганн Будденброк-младший>, *нахмутив брови*, смотрел на нее <Тони> своими маленькими, глубоко сидящими глазами, в которых *сквозь печаль и усталость* проглядывало *напряженное ожидание*» [Mann: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. Маркеры эмотивности, выделенные в контексте курсивом, отражают эмоциональное состояние героя, которое подкрепляется в контексте и невербальным поведением – прежде всего, мимикой (*нахмутив брови*).

Одно из важных средств выражения эмотивности в художественном тексте – субъективная модальность, маркеры которой весьма разнообразно представлены в персонажной и авторской зонах повествования, а наибольшей частотностью в обеих зонах повествования обладают вводные слова и сочетания, вставные конструкции, а также частицы, актуализирующие сослагательное наклонение в контекстах. Функционально-семантическая категория эмотивности репрезентирована в контекстах посредством маркеров авторской оценочности, проявляющейся в художественном тексте на всех его уровнях, как в авторской, так и в персонажной зонах повествования ввиду намеренного стирания границ между ними, например: «Wer den *alten Familienzweist in Form einer allgemeinen und unbestimmten Animosität* hegte und bewahrte, das waren vielmehr seine Damen: seine *gutmütige und beschränkte Gattin* nicht sowohl, wie die drei

ältlichen Mädchen, die weder die Konsulin, noch Antonie, noch Thomas *ohne ein kleines giftiges Flämmchen in den Augen anzublicken vermochten ...*» [Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«Если кто-нибудь еще и вспоминал *старинную семейную распрю*, с годами *вылившуюся в какую-то расплывчатую, неопределенную неприязнь*, то разве что дамы из семейства дяди Готхольда, и не столько его *добродушная и недалекая* супруга, сколько дочери – три старые девы, которые *без злобного огонька во взоре не могли смотреть* ни на консульшу, ни на Антонию или Томаса» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. Представляется, в приведенном фрагменте также представлена точка зрения внешнего наблюдателя (маркеры авторской оценочности выделены курсивом). О присутствии такой внешней точки зрения свидетельствует, прежде всего, лексическое сочетание *старинную семейную распрю*, которое задает определенную субъективную модальность всему высказыванию, опирающуюся, в свою очередь, на лексические доминанты *неприязнь*, *злобного огонька во взоре*.

Коммуникативно-прагматический потенциал коммуникативной толерантности и эмотивности в романе Т. Манна определяется теми функциями, которые обе категории реализуют в художественном тексте. Анализ языкового материала показал, что коммуникативная толерантность / интолерантность и эмотивность зачастую неотделимы друг от друга и характеризуются синтезом признаков, что позволяет считать реализацию категорий в художественном тексте как синкретическую. Так, весьма значимым становится взаимодействие авторской и персонажной зон повествования в реализации коммуникативной толерантности и эмотивности: «– *Besten Dank*, – sagte er <Hoffstede>, nachdem er den Herren die Hände geschüttelt und vor den Damen – im besonderen vor der Konsulin, die er außerordentlich verehrte – ein paar seiner ausgesuchtesten compliments vollführt hatte, *compliments, wie die neue Generation sie schlechterdings nicht mehr zustande brachte*, und die von einem angenehm stillen und verbindlichen Lächeln begleitet waren.

– *Besten Dank für die freundliche Einladung, meine Hochverehrten*». [Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«– *Приношу сердечную благодарность*, – сказал он <Гофштеде>, пожав руки мужчинам и щегольнув перед дамами (в особенности перед консульшей, которую он почитал превыше всех остальных) парочкой-другой изысканнейших комплиментов, *какие уже не умело отпустить новейшее поколение*, и к тому же сопровождаемых приятнейшей и приветливейшей улыбкой. – *Приношу сердечную благодарность за любезное приглашение, друзья мои*» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. Толерантность персонажа обусловлена искренне дружеским отношением Гофштеде к семейству Будденброков, а эмотивность и оценочность реализованы здесь в авторской зоне повествования, которая, тем не менее, все же взаимодействует с зоной пресонажной: высказывание *комплиментов*,

какие уже не умело отпускать новейшее поколение явно принадлежит самому Гоштеде, а не автору-повествователю.

В **Заключении** обобщены результаты исследования и определены его перспективы.

Поскольку коммуникативная толерантность в качестве одного из своих необходимых уровней включает и эмоциональный, мы рассматриваем коммуникативную толерантность и эмотивность в пространстве художественного текста как неразрывно связанные категории, имеющие обширный коммуникативно-прагматический потенциал как в плане реализации художественного замысла автора, так и в отношении эффективного воздействия на когнитивную деятельность и языковую картину мира читателя – адресата такого эстетического высказывания. Анализ языкового материала позволил выделить несколько доминантных функций, обеспечивающих реализацию в художественном тексте коммуникативно-прагматического потенциала коммуникативной толерантности и эмотивности: оценка на основании толерантного / интолерантного отношения персонажей друг к другу; авторская оценочность и проявление такой оценки в отношении характеров персонажей, их действий и мыслей по поводу персонажных особенностей; реализация метода психологизма, позволяющего воплотить эволюцию характеров персонажей; воссоздание социокультурного контекста бюргерства в текстовом пространстве романа.

Перспективным в заявленном ракурсе исследования представляется выявление и описание приоритетных коммуникативных стратегий и тактик, которые организуют семантическое пространство художественного текста в соответствии с авторскими интенциями. Коммуникативно-прагматический подход определяет новые направления в изучении рецептивно-интерпретативной деятельности адресата художественного текста, в частности, социо- и лингвокультурную специфику в восприятии параметров коммуникативной толерантности и эмотивности.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора.

Научные статьи в журналах, входящих в реестр ВАК РФ:

1. Донскова, Л.А. Характеристика уровней коммуникативной толерантности языковой личности / Л.А. Донскова // Научно-теоретический и прикладной журнал «Филологические науки. Вопросы теории и практики». – Тамбов, 2017. – №8(74). Часть 1. – С.76-79 (0,5 п.л.).

2. Донскова, Л.А. Особенности коммуникативной толерантности в художественном тексте: лингвистические подходы / Л.А. Донскова, М.П. Ахиджакова // Вестник Пятигорского государственного университета. – 2021. – № 1. – С. 97-100 (0,5 п.л.).

3. Донскова, Л.А. Эмотивность и коммуникативная толерантность как лингвистические составляющие эмоциональности в системе

художественного текста / Л.А. Донскова, М.П. Ахиджакова // Гуманитарные и социальные науки. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2021. – № 3. – С. 67-78 (1,5 п.л.).

Статьи в журналах, сборниках научных трудов и материалов научных конференций:

4. Донскова, Л.А. Диалоговое общение как лингвистический метод развития коммуникативной толерантности языковой личности / Л.А. Донскова // Современные СМИ как отражение аксиологических ориентиров общества: материалы Международной научно-практической конференции (24-25 мая 2018 г.). Сборник статей / Отв. ред. О.Е. Павловская; ФГБОУ ВО «КубГАУ». – Краснодар: Издательский Дом – Юг, 2018. – С. 89-92 (0,25 п.л.).

5. Донскова, Л.А. Лексема “Toleranz“ в немецкой лингвокультуре / Л.А. Донскова // Культурология, искусствоведение и филология: от теории к практике: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участ. (Чебоксары, 28 мая 2021 г.) / под ред. Э.В. Фомина. – Чебоксары: ИД «Среда», 2021. – С. 124-128 (0,3 п.л.).

6. Донскова, Л.А. Эмпатия языковой личности в межкультурном пространстве /Л.А. Донскова // Научные исследования в современном мире. Теория и практика: сборник избранных статей Всероссийской (национальной) научно-практической конференции (Санкт-Петербург, июнь 2021). - СПб.: ГНИИ «Нацразвитие», 2021. – С.107-109 (0,2 п.л.).

7. Донскова, Л.А. Коммуникативная толерантность языковой личности в межкультурном пространстве /Л.А. Донскова // Научно-методический журнал «На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания». Киров, 2021. – № 2(20). – С. 28-31 (0,25 п.л.).

8. Донскова, Л.А. Философский анализ категории «толерантность» /Л.А. Донскова // Научный журнал «Эпомен» (электронное периодическое научное издание). – 2021. № 55. Краснодар, 2021. – С. 15-21 (0,35 п.л.).

9. Донскова, Л.А. Стратегия поведения толерантной языковой личности в конфликтной ситуации /Л.А. Донскова // Гуманитарные, естественно-научные и технические решения современности в условиях цифровизации. Материалы XII Международной научно-практической конференции (23 июля 2021 года): Ростов-на-Дону: изд-во Южного университета ИУБиП, 2021. – С. 50-54 (0,4 п.л.).